ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В.В. СОГРИН

Стивен Коэн и перипетии посткоммунистической России

Вряд ли нужно особо представлять российскому читателю известного американского русиста С. Коэна. В аннотации к изданной на русском языке книге Коэна "Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России" [Коэн. 2001] справедливо отмечается, что он - "знаковая фигура в СССР периода перестройки". В горбачевский период Коэн, возможно, как никто другой из американских русистов (в то время их еще называли советологами), часто появлялся на экранах отечественного телевидения, выступал в прессе, делясь своими комментариями и прогнозами относительно хода и перспектив реформирования нашего общества. Тогда же на русский язык была переведена его фундаментальная монография о Н. Бухарине [Коэн, 1988]. Она вызвала широкий отклик не только в научной периодике, но и в СМИ. поскольку Бухарин, считавшийся в прежние времена "равым уклонистом". в горбачевский период стал восприниматься как один из наиболее ярких представителей демократии 1920-1930-х годов. Коэн, быть может, неожиданно для самого себя, но в тех обстоятельствах вполне естественно, встал рядом с "прорабами перестройки".

В 2001 году выходит перевод книги Коэна о перипетиях постсоветской России (в самих США она появилась годом раньше). Эта книга также вызвала интерес нашей общественности, хотя и не такой широкий, как монография о Бухарине. Внимания обществоведов, изучающих современную Россию, она, безусловно, заслуживает: Коэн - профессионал высокой пробы, и уже по этой причине его интерпретации и оценки, сделанные к тому же "со стороны", с "американского берега", полезно и поучительно сопоставить с выводами, к которым приходят отечественные специалисты.

В центре внимания Коэна, во-первых, политика США в отношении реформируемой России и, во-вторых, реформаторская политика самого постсоветского российского правительства. И той и другой он выставляет жесткие, даже резко отрицательные оценки (квинтэссенция заключена, собственно, в названии новой книги). Насколько они обоснованы и объективны?

Скажу сразу: мое отношение к оценкам Коэна неоднозначно, отчасти я с ними согласен, но в целом они представляются мне односторонними и далекими от объективных. При этом приводимые в книге факты относительно противоречивых, драматических, а порой и трагических следствий современной российской трансформации (сосредоточение приватизируемой собственности в руках узкого меньшинства, беззакония в ходе разгосударствления собственности, авторитарный и клановый характер политического лидерства Б. Ельцина, деиндустриализация российской экономики, усиление социальных контрастов, массовое обнищание и т.д.) у меня не вызывают

С о г р и н Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ.

сомнения. В моих собственных монографиях об общественно-исторических перипетиях современной России таких фактов содержится еще больше [Согрин, 1994; 2001]. Но в них признаются и раскрываются также позитивные стороны и последствия посткоммунистических реформ, что чуждо Коэну. Соответственно, для него не характерен и поиск точного и объективного соотношения позитивных (поскольку таковые Коэном вообще отрицаются) и негативных следствий новейшей российской трансформации. Чужды Коэну и те теоретико-методологические подходы - историзм, цивилизационный подход, теория модернизации и др., - которые послужили для меня важным основанием для иных интерпретаций и выводов.

Начну с оценок Коэном американской политики в отношении России, поскольку эта тема занимает в книге центральное место не только по объему, но и по степени важности, которую Коэн придает ей в анализе причин российской "трагедии". В целом американская политика в отношении России характеризуется как "крестовый поход", целью которого было переустроить российское общество по угодному США образцу. В рамках этой политики объединились американское правительство, бизнесмены, ученые, журналисты. США навязали России экономическую шокотерапию, которая погрузила российское общество в хаос, принесла обнищание миллионам россиян. Американские эксперты, среди них, например, Дж. Сакс, цинично манипулировали Е. Гайдаром, А. Чубайсом и другими младореформаторами, выступившими, по сути, агентами американского влияния. Американская администрация и пресса неизменно выставляли положительные оценки Ельцину, представляя его американскому обществу в качестве единственного гаранта необратимого характера капиталистических и демократических перемен в России. А поскольку ельцинская политика принесла России трагедию, постольку Америка, активно защищавшая эту политику, должна быть признана главным виновником российских несчастий. Таковы выводы Коэна (см. особенно [Коэн, 2001, с. 13, 22,23,29, 33, 35,49. 73, 123]).

Думаю, что многим российским читателям такая позиция не покажется оригинальной. Действительно, она, по сути, совпадает с оценками, исходящими от российских коммунистов и национал-патриотов. Коэн на свой лад развивает ее и пытается сопроводить многими фактами и аргументами. Что можно сказать по поводу этих выводов, аргументов и фактов? То, что Америка хотела и хочет утверждения в России угодной ей модели, у меня сомнений не вызывает. Миссионерский характер был присущ внешней политике США с момента их возникновения. За это их можно критиковать сколько угодно, и критика будет но многом справедливой. Концепция же, что та или иная страна в определенный период своей истории (в 1990-е годы Россия) воспринимает капиталистическую и демократическую модель исключительно под воздействием США, является образцом зашоренно манихейского подхода.

В действительности (сам я неизменно и пространно доказывал это в своих работах) выбор современной Россией капиталистической и демократической модели, но многом повторяющей американскую, а в более широком смысле западную, был абсолютно доброволен и обусловлен перипетиями ее собственного общественно-исторического развития в предшествующие десятилетия, а особенно в 1980-е годы. В эти годы потерпели крах социалистические (как командно-административная, так и демократическая) модели модернизации, которые брались на вооружение М. Горбачевым. Российское общество разочаровалось в любом социализме и захотело развиваться но западному пути. Вняв этому социальному требованию, многие российские политики (кто искренне, кто из карьерных соображений) включили в свои идеологии и программы капиталистическую и демократическую модели и пришли к власти в начале 1990-х годов. Естественно, американское правительство не могло не порадоваться этому и стало советами и другими средствами помогать Ельцину. США использовали Ельцина, но и Ельцин использовал США, поскольку Америка помогала российскому президенту воплотить то, что он хотел сам и на что он получил мандат от россиян. В 1917 году подобным образом поступали В. Ленин и Германия, заинтересованные

в выходе России из мировой войны. Но от этого Ленин не стал немецким шпионом, а германский генштаб не обратился в большевистскую веру.

Не были навязаны американцами и конкретные способы радикального реформирования России, в том числе и шокотерапия. Выбор их Гайдаром и его командой был доброволен и рационален и, как неоднократно и, на мой взгляд, весьма убедительно доказывал Гайдар, по сути безальтернативен в ситуации полного коллапса социалистической экономики в начале 1990-х годов. Кстати, Г. Явлинский, один из героев Коэна, летом 1990 года, т.е. за полтора года до гайдаровской шокотерапии, предложил программу "500 дней", которая по сути ничем не отличалась от гайдаровской радикальной реформы и, по моему убеждению, при ее практическом воплощении имела бы абсолютно такие же последствия. Правда, сам Явлинский яростно критиковал гайдаровскую шокотерапию, но мне кажется, что если бы он оказался в 1991 — 1992 годы на месте Гайдара, то поступил бы точно так же. Да и сам Явлинский, выступая, например, на одной из конференций "Куда идет Россия?..", на вопрос о соотношении программы "500 дней" и реально осуществленных преобразований констатировал, что фактически его программа выполнена, хотя он и не согласен с тем. как она выполнялась. А тот факт, что Гайдар и Чубайс использовали в качестве советника Сакса, отнюдь не свидетельствует об инфантилизме и интеллектуальном убожестве российских радикальных реформаторов: действительно, почему не прислушаться к мнению специалиста, неплохо разбирающегося в том, что ты хочешь воплотить сам? В 1930-е годы Ф. Рузвельт, к которому Коэн относится с большим уважением, действовал в агонизирующей Америке по рецептам англичанина Д. Кейнса, но никому и в голову не приходит упрекать великого президента в антипатриотизме.

Коротко еще о двух выводах Коэна относительно порочных следствий политики США в отношении постсоветской России. Одно из таких следствий он видит в том. что из-за затяжной российской комы "международная и американская безопасность оказалась под большой угрозой" и что "намного выше стала ядерная угроза" [Коэн, 2001, с. 176, 204]. Совершенно не могу с этим согласиться. На самом деле, ядерная угроза сегодня слаба, как никогда, а мировой и американской безопасности если кто и угрожает, так отнюдь не голодный и остервенелый "русский медведь", а исламский терроризм. Другой вывод Коэна состоит в том, что из-за порочной американской политики ненависть русских к Америке постоянно растет. На самом деле отношение русских к Америке (возможно, по причине злополучной амбивалентности русской души) развивается циклами: неприязнь сменяется любовью, и наоборот. Последовательно Америку ненавидят только коммунисты и национал-патриоты, которые, впрочем, когда это им выгодно, апеллируют к американским демократическим ценностям и даже к некоторым институтам.

Обращусь к оценкам Коэном внутриполитического курса Ельцина и полного его "преемника" (таково восприятие Коэна) В. Путина. Кратко эти оценки можно свести к следующим: 1) Ельцин с единомышленниками противоправно разрушил в декабре 1991 года СССР; 2) радикальная экономическая реформа 1992 года породила "дикий" капитализм, погрузила Россию в состояние экономического хаоса и демодернизации, а ее население в состояние нищеты; 3) в сентябре - октябре 1993 года Ельцин преступно расстрелял парламент и уничтожил хрупкое здание российского парламентаризма и демократии, а в целом демократии в его правление было гораздо меньше, чем и предшествующий горбачевский период; 4) в декабре 1994 года Ельцин развернул преступную и антиконституционную войну против Чечни и чеченского народа, которая нанесла непоправимый ущерб России, Чечне, демократии и федерализму; 5) Ельцин назначил своим преемником Путина, этого "русского Пиночета", выкормыша КГБ, а общество покорно проглотило "данайский дар", что еще больше снизило шансы России на выход из трагедии.

Нетрудно обнаружить, что эти выводы (за исключением последнего) совпадают с обвинениями, сформулированными парламентской фракцией КПРФ и частью

"яблочников" во время их кампании 1999 года по отстранению Ельцина от должности президента. Постараюсь показать кратко их несоответствие историческим фактам и, что может быть еще более важно, их неприемлемость с точки зрения научно-исторического познания.

1. Безусловно, Ельцин, его политические амбиции и его борьба за власть с Горбачевым имели непосредственное отношение к роспуску СССР в декабре 1991 года. Но фундаментальные причины краха СССР были иными. Самая главная из них, по моему убеждению, заключалась в несовместимости империи, каковой являлся СССР, с демократией. СССР был жизнеспособен только в условиях сохранения тоталитарного или авторитарного режима, но как только в нем стала вводиться политическая демократия, он затрещал по швам. В условиях демократии большинство крупных этносов СССР, по вполне понятным причинам, захотели получить и получили независимую государственность. Историческая альтернатива рубежа 1980-1990-х была проста: или сохранение СССР на основе увековечения тоталитарно-коммунистического режима, или распад СССР в качестве неизбежной платы за восприятие политической демократии. У сторонников политической демократии, по моему заключению, не остается иного выбора, кроме как примириться с распадом советской империи.

2. Негативные последствия радикальной экономической реформы ("шокотерапии") 1992 года зафиксированы Коэном правильно. Но это только часть правды, хотя и существенная, в глазах некоторых россиян даже совпадающая со всей правдой. Другая же часть заключается в том, что, во-первых, многое и в состоянии экономики, и в конкретных шагах команды Гайдара было обусловлено лавинообразным нарастанием кризисных явлений, связанных с крайне непоследовательными мерами экономического реформирования горбачевского периода. Во-вторых, начиная с 1992 года в течение короткого периода российское общество увидело очевидные преимущества рыночной экономики перед советской командно-административной. Приватизированные российские магазины наполнились самыми разнообразными товарами и продуктами, ассортимент которых практически не уступает ассортименту западных магазинов. Лозунги массовых демонстраций горбачевской эпохи ("Не могу участвовать в перестройке без носков"; "Спасибо Вам, премьер Рыжков, что я без хлеба и штанов" и другие в том же духе) прочно отошли в область фольклора. Верно, что свободные рыночные цены доступны не всем россиянам, но даже по мнению многих пенсионеров - это все же меньшее зло по сравнению с пустыми полками магазинов периода развитого социализма.

Коэн прав в том, что валовой внутренний продукт российского общества в последние десять лет сократился почти наполовину. Но он, подобно многим, кто апеллирует к этой цифре, не упоминает о том, что ВВП советского периода, в котором доминировало военное производство, удовлетворял жизненные потребности россиян в меньшей степени, нежели современный ВВП, сократившийся в первую очередь за счет военной продукции и вообще непомерно раздутого производства средств производства. Для нас речь должна идти, прежде всего, об устранении дикого структурного перекоса советской экономики, промышленность которой к 1986 году была лишь на 24,7% загружена производством предметов потребления - беспрецедентный в мировой практике показатель [Народное... 1988, с. 84]. Необходима сбалансированность гражданского и военного производства, чтобы иметь, образно говоря, и масло, и пушки. Хотя, полагаю, большинство современных россиян предпочитают масло.

3. История конфликта Ельцина и российского парламента 1993 года, исполнительной и законодательной ветвей власти необычайно сложна и запутанна. Согласно фактам, которые имеются в моем распоряжении, в 1993 году их отношения зашли в тупик, и конституционное разрешение конфликта оказалось невозможным. Верховный Совет полностью заблокировал деятельность правительства, а правительство игнорировало акты парламента. Конституция, доставшаяся России от советских времен, никак не способствовала смягчению, а тем более разрешению конфликта.

Российская государственность оказалась в тупике, *status quo* неизбежно вел к ее краху и гражданской войне. Гордиев узел необходимо было разрубить. Ельцин и Верховный Совет попытались сделать это каждый по-своему, причем к военным действиям первым обратился Верховный Совет, но у Ельцина как Верховного главнокомандующего было больше шансов выиграть вооруженную схватку.

В условиях противоправного (но обусловленно противоправного) действия обеих сторон оценка их поведения не может быть независимой от идеологических воззрений оценивающего. Я в своей оценке исхожу из того, что позиция Верховного Совета носила откровенно реакционный характер, а его победа означала бы попытку реставрации СССР. Для меня такая перспектива абсолютно неприемлема, и поэтому, в отличие от Коэна, я не принимаю политической целесообразности, определявшей деятельность Верховного Совета. Ельцин защищал интересы новой номенклатурно-капиталистической элиты, которые пусть и в небольшой степени, но совмещались с либеральной демократией. Победа Ельцина, сохранявшая хоть какой-то шанс для развития либерализма и демократии, на мой взгляд, - меньшее зло по сравнению с восстановлением социализма и империи в результате победы Верховного Совета.

В период правления Ельцина демократии формально стало не меньше, а даже больше, чем в горбачевский период. Конституция 1993 года - одна из лучших либерально-демократических конституций современности. Другое дело, что на практике в России утвердился не демократический, а авторитарный политический режим, обставленный некоторыми демократическими институтами и нормами, а демократическая самодеятельность масс, в сравнении с горбачевским периодом, резко пошла на убыль. Но было бы сверхнаивно объяснять это исключительно "факторами" Ельцина и Горбачева. На самом деле демократический спад в российской политической практике имел объективные причины. Вторая половина 1980-х годов была периодом демократических "бури и натиска", когда массы поверили, что могут творить и менять историю. Вследствие этого пали социализм и КПСС. В 1990-е годы обнаружилось, что построить народный капитализм в России нереально, в поведении народа все более усиливались апатия, и разочарование, отчуждение от новой власти. На первое место стали выходить российские общественно-исторические архетипы, для которых демократия, мягко говоря, не самое любимое дитя.

4. Глубоко противоречива и сложна коллизия России и Чечни, и концепция односторонней ответственности российского правительства, применяемая для ее объяснения Коэном, не кажется мне объективной. Чеченский сепаратизм с самого начала в сильнейшей мере основывался на национализме, вождизме и геноциде не чеченского населения. Дудаев беспощадно истреблял своих противников, а его режим был неизмеримо жестче и коварнее того режима, который устанавливал в России Ельцин. Российско-чеченская война - действительно трагедия, но истоки и природа ее намного сложнее, чем это видится Коэну.

5. Вопреки утверждению Коэна, Ельцин не назначал Путина своим преемником, а выразил желание видеть его таковым. Путин был избран президентом из 10 претен дентов отнюдь не потому, что россияне прислушались к мнению Ельцина (напротив, в их глазах такая рекомендация вредила Путину), а потому, что к моменту выборов Пу тин обнаружил качества (в первую очередь прагматизм, политическую волю и про свещенность), положительно выделявшие его среди других претендентов. На протяжении двух лет пребывания у власти Путин демонстрирует последовательное стремление продолжать либеральные реформы и этим выгодно отличается от многих посткоммунистических президентов. Безусловно, режим Путина вряд ли можно опре делить как демократический, но опять-таки было бы сверхнаивно объяснять это "кагэбэшным прошлым" нынешнего российского президента. Россия сама еще не в силах вырваться из плена тысячелетнего недемократического прошлого, и требовать от Путина следовать демократическим нормам западного образца так же утопично, как верить в возможность скорого построения в России народного капитализма.

В целом в отличие от Коэна, рассматривающего современную российскую транс-

формацию как трагедию, я вижу в ней как негативные, так и позитивные тенденции, результаты, следствия. Что касается негативных сторон российской трансформации, то в отличие от Коэна, возлагающего ответственность за них на США и российское руководство, я вижу их обусловленность российской цивилизационной органикой, которой либерализм и демократия были чужды и которая с трудом воспринимает, а подчас отторгает позитивные нововведения. Я не отрицаю ответственности российского руководства и новой элиты (в своих работах я дал острые критические оценки их морального и интеллектуального уровня) за многие пороки современной модернизации, приобретшей характер "дикого капитализма", но полагаю, что это руководство и элита несут на себе во многом пороки самого российского общества. Коэн же придерживается противоположной точки зрения и считает, что развитие России под руководством других лидеров могло бы принести радикально иные результаты. Каковы же, согласно Коэну, альтернативные фигуры и альтернативные возможности российской трансформации?

Первой и наиболее предпочтительной альтернативной фигурой в глазах Коэна выступает Горбачев, а альтернативной политикой - горбачевская перестройка. Вот характерное умозаключение Коэна: "В правление Горбачева, несмотря на отдельные политические провалы, советская система показала себя замечательно реформируемой - гораздо более реформируемой, чем могли предположить западные эксперты" [Коэн, 2001, с. 39]. При всех моих личных симпатиях к Горбачеву, которого, как и Коэн, я считаю выдающейся исторической личностью и демократом, я решительно не согласен с оценкой практических результатов деятельности первого и последнего советского президента. Все попытки Горбачева соединить советский социализм с демократией и рынком потерпели крах; к концу его правления экономика развалилась, что во многом предопределило последующее обращение к болезненной гайдаровской шокотерапии. Как реформатор Горбачев полностью утратил доверие россиян, а на президентских выборах 1996 года собрал менее 1% голосов.

Другими альтернативными политическими фигурами в книге Коэна выступают Р. Хасбулатов и А. Руцкой. Высокие оценки, выставленные этим двум персонажам современной российской истории [Коэн, 2001 с. 121, 138], лично меня откровенно шокировали, так как оба в сравнении, например, с Горбачевым - просто политические пигмеи, а в морально-нравственном плане являют его полную противоположность. Эти политические деятели с наполеоновскими амбициями и комплексами запомнились, в первую очередь, интеллектуальным убожеством, хамством и коррумпированностью. Вселение Хасбулатова сразу после событий 19-21 августа 1991 года в Москве в шикарную брежневскую квартиру стало своего рода символом подлинных мотивов подобного рода "борцов" за российскую демократию. А бесславно закончившееся правление Руцкого в Курске дало не один пример коррумпированности руцковской "семьи". Полагаю, что выводы, содержащиеся в книге Коэна, найдут поддержку в первую очередь среди представителей левого крыла современного российского политического спектра. По крайней мере, его оценки посткоммунистической России навевают подобные предположения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988.

Коэн С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.

Народное хозяйство в СССР в 1987 году. Статистический ежегодник. М., 1988.

Согрин В. Политическая история современной России. 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994.

Согрин В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. М, 2001.

© В. Согрин, 2002